

**Александр
РЕСИН**
г. Монреаль

Завытое сокровище Русского Севера

Самые интересные приключения в жизни обычно случаются неожиданно. Вот и на этот раз пришлось собирать рюкзак и отправляться за Полярный круг на Кольский полуостров на реку Варзугу, где, как выяснилось, обитают миллионы пресноводных, моллюсков жемчужниц, из которых добывают пресноводный жемчуг.

Честно говоря, еще за неделю до отъезда про этих варзуговских жемчужниц я и не подозревал, так как ни жемчугом, ни жемчужницами никогда не интересовался. Конечно, читая пиратские романы и истории о сокровищах южных морей, про жемчуг я знал, но то, что мне придется самому его искать, я и предположить не мог.

Впрочем, все по порядку. На заседании межведомственной Ихтиологической комиссии я оказался случайно, просто моему начальству, очевидно, было лень ехать на это заседание и поэтому послали меня. Тем более что вопрос там был достаточно простой – давать или не давать разрешение на работы по пресноводной жемчужнице Институту биологии развития им. Кольцова АН СССР. Разрешение давало Министерство экологии, куда я как раз совсем недавно перешел работать из академического института.

Наш отдел жемчужницами не занимался, и зак-

лючение по запросу Института биологии развития давала другая лаборатория. Выслушав доклад руководителя работ по жемчужнице и комментарии к ему, я с удивлением понял, что министерство на основании справки наших сотрудников сомневается в целесообразности выдачи разрешения на работы.

Мотивировками было неверие в полученные Институтом биологии развития результаты. Под эти работы их институт уже получил грант, и теперь возможность продолжения работ упиралась в разрешение от нашего министерства. Человек в министерстве я был новый и, не отягощенный знаниями всех интриг, искренне удивился этой ситуации. Попросив слово, я спросил у собравшихся, заинтересованы ли они в продолжении работ по жемчужнице. Расценив всеобщее молчание как согласие, я продолжил.

– Если мы сейчас не дадим разрешение на работы, то в этом году никаких исследований по этой проблеме не будет вообще. Единственный, кто сейчас имеет деньги на эти работы, это Институт биологии развития. Если мы не верим их результатам, то предлагаю организовать совместную с Министерством экологии экспедицию по проверке этих результатов.

В общем, комиссия, немного поразмышляв, приняла мое предложение и решила дать разрешение на работы при условии совместной экспедиции по проверке результатов работ Института биологии развития.

Как известно, инициатива всегда наказуема, так что на следующий день я был вызван к начальству и информирован, что раз я такой умный, то мне и поручается организовывать эту экспедицию, причем в кратчайшие сроки.

В первую очередь нужно было договориться с Институтом биологии развития, ведь мы собирались отправиться в экспедицию вместе. Первая же встреча у них в лаборатории показала, что особой радости от такой перспективы они не испытывают и что мест у них на плавсредствах, на которых они собираются сплавляться по Варзуге, нет. Вернувшись в родное министерство, я выяснил, что своих плавсредств у нас тоже нет и не предвидится, так как в плановой экономике все нужно заказывать заранее, ну, минимум за год.

Экспедицию никто отменять не собирался, и тогда мы решили, что раз уж сплавляться у нас не получится, то единственная возможность провести исследование – это воспользоваться вертолетом, благо на транспорт деньги были выделены. Причем эта статья расходов отнюдь не конкретизировала, какой вид транспорта ты используешь. Главное, не перерасходовать средства.

В помощь мне было выделено два научных сотрудника, с которыми мы и должны были отправиться на поиски жемчужниц. Вооружили нас письмом от министерства, в котором всем организациям и отдельным гражданам предписывалось оказывать нам всяческое содействие в этом чрезвычайно важном для государства деле.

Перед отъездом пришлось еще получить разрешение на нахождение в погранзоне, хотя район работ находился от ближайшей границы на многие сотни километров. Но таковы уж были законы, и без этого разрешения попасть на Варзугу мы не могли.

Теперь, когда все приготовления были закончены и куплены билеты на поезд Москва – Мурманск, в оставшееся время я решил все-таки почитать, с чем же мне придется иметь дело. Нужно же знать хоть что-нибудь о жемчужницах и пресноводном жемчуге.

Оказалось, что в средневековье Россия занимала первое место в мире по объему экспорта жемчуга, причем именно пресноводного.

Бусы из жемчуга в те времена были доступны для женщин любого достатка, и белым шитьём украшали жемчугом свою одежду все сословия.

Жемчуг добывался из пресноводных жемчуж-

ниц *Margaritifera* в Архангельской, Олонецкой, Петербургской, Новгородской, Псковской, Ярославской, Вятской, Казанской, Симбирской, Пермской, Волынской губерниях, а также на Кольском полуострове и в Карелии. Жемчужница встречалась в реках Московской области, в притоках Волги, в бассейне Амура и Днепра. Из отечественных рек 150 считались жемчужносными, из них в 77 велась наиболее интенсивная добыча.

В XVIII веке жемчуга добывали так много, что даже продавали за границу. К жемчугу в старину относились с почтением. На промысел отправлялись после отпущения грехов. Добытый жемчуг на два часа клали в рот, потом в мокрую тряпицу и держали на груди, чтобы сохранить цвет. Больше всего ценились жемчужины правильной формы. Жемчужины ровным слоем насыпали на гладкую доску. Потом доску наклоняли. Идеально круглые жемчужины скатывались быстрее. «Скатные» жемчужины продавали поштучно, остальные – на вес.

Жемчугом расшивали платья, обувь, платки и головные уборы. Невесты шли под венец в жемчужном кокошнике. Свадебный наряд передавали по наследству. Если жемчуг тускнел, в деревнях знали, как вернуть ему блеск. Жемчуг спарывали и отдавали курам. Потом жемчуг промывали и пришивали на прежнее место.

В царской семье с XVII века следовали традиции – дарили жемчуг на свадьбу. На всех парадных портретах российских императриц – украшения из жемчуга. Люди верили, что жемчуг сохраняет красоту и молодость. Например, в царской семье русская императрица Александра Федоровна дарила своим дочерям на каждый день рождения по жемчужине, чтобы к совершеннолетию дочери собрать жемчужное ожерелье.

Сегодня русский жемчуг можно увидеть только в музее.

Вероятно, в петровский период количество жемчужниц резко сократилось. В 1721 году Пётр I издал указ об упорядочении добычи жемчуга. Было запрещено заниматься частным промыслом, но через 10 лет запрет сняли с оговоркой, что промышленникам можно, оставляя мелочь себе, а крупный и чистый жемчуг сдавать в казну за вознаграждение. В 1764 году Сенат издал закон, в котором подтверждалось право «ловить жемчуг в реках-озёрах, в чьих бы они дачах ни были, всем невозбранно».

После 1860 года промысел жемчуга стал затухать. Уже в 1870 году за границу было продано товара всего на 1,5 тысячи рублей. Произошло катастрофическое падение добываемых жемчужин.

Специальные меры по упорядочению жемчужного промысла, которые разработало правительство, не дали нужных результатов.

На фоне общего ухудшения положения в 1912 году произошёл необъяснимый скачок численности или добычи – только за границу карельского жемчуга было продано на 300 тысяч рублей золотом. Но вскоре после революции 1917 года организация жемчужного промысла была признана нецелесообразной.

Обыкновенные жемчужницы обитают в чистых мелких реках с быстрым течением, в которых размножаются лососевые рыбы. В конце лета они выметывают огромное количество маленьких личинок глохидиев. Если личинке повезет встретиться с рыбой, то она прикрепляется к ее жабрам, а если этой рыбой окажется лосось или кумжа, то глохидий «погружается» в ткани хозяина, паразитируя на жабрах в течение нескольких месяцев. Когда из личинки сформируется микроскопический моллюск, он покидает рыбу и падает на дно. Если это произойдет в подходящем месте, маленькая маргаритифера закапывается в грунт. Она скрывается там несколько лет, а затем выходит на поверхность дна, где живет, подобно большинству двустворчатых моллюсков, фильтруя воду, из которой извлекает одноклеточные водоросли и частицы детрита (продукты разложения растений).

Если между створкой раковины и прилегающей к ней мантии моллюска попадает какое-либо постороннее тело, например песчинка, она оказывает раздражающее действие на ткани моллюска, и кожные покровы мантии начинают выделять затвердевающее перламутровое вещество. По сути дела, выделяется тот же перламутр, который образует внутренний слой раковины. Песчинка со всех сторон обрастает перламутром, и получается маленькая жемчужина.

По расчетам Института биологии развития, на Варзуге обитала самая большая в мире популяция жемчугоносных моллюсков, численность которой они оценили в десятки миллионов экземпляров.

Прежде чем попасть на Варзугу, мы решили обратиться за помощью в Мурманский областной комитет по охране природы и узнать, что знают о жемчужнице они. Да и единственное ближайшее место к Варзуге, где можно было арендовать вертолет, это Мурманск.

С вокзала мы позвонили в комитет, и они любезно предложили поселить нас в гостинице «Арктика», совсем недалеко от вокзала, куда, как обещали, они тут же позвонят и забронировать для нас места.

Прямо с вокзала мы направились в гостиницу, где действительно никаких проблем с номерами не было. Очевидно, туда позвонили, как обещали.

Как полагается при регистрации, мы показали свои красные с гербом комитетские удостоверения, которые были очень похожи на кагэбэшные корочки. Девушки в регистратуре, правда, как-то странно перглянулись и выдали нам ключи от номеров.

Поднявшись в свой номер, я с удивлением обнаружил там спящего соседа, явно успевшего хорошо набраться, судя по количеству бутылок. Иметь такое соседство я точно не мечтал, так что спустился вниз в регистратуру и попросил сменить мне номер.

– Так нет свободных, все занято.

Пришлось возвращаться в номер несолоно хлебавши и направиться в Полярный научно-исследовательский институт выполнять командировочное задание.

В Полярном институте мы также надеялись получить материалы по жемчужнице. Материалов там было немного, но выяснилось, что в 50-х годах под эгидой КГБ была организована экспедиция на Варзугу по добыче жемчуга для ансамбля «Березка».

Никаких результатов этой экспедиции в институте не было, но, судя по жемчужным бусам, которые украшали на фотографиях тех лет участниц ансамбля, жемчуг они добыли.

Вечером, вернувшись, я обнаружил соседа, который явно занимался опохмелкой, причем рука его была почему-то перевязана, а на столе лежал нож, выпачканный кровью. В комнате царил полный разгром.

При виде меня он оторопел, потянулся за ножом и агрессивно спросил, чего, мол, мне надо?

– Ничего, – говорю, – сосед я твой, принимай.

– Какой на хрен сосед, я плачу за весь номер, чтобы никаких соседей у меня не было.

– Извини, – говорю, – я к тебе не просился, поселили вот, говорят, других свободных мест нет.

Соображал он еще плохо, видно, еще не до конца протрезвел, поэтому следующий вопрос был:

– Ты кто ?

– Командированный, а ты?

– Я – Седой из Люберецких. Слышал о таких?

Тогда люберецкие бандиты как раз гремели как самые крутые в стране.

От такого заявления я несколько растерялся, но говорю, здорово, земляк. Учитывая, что школу волей судьбы я оканчивал в Люберцах, вранья в моих словах не было.

– Я тебя не знаю.

– Так я тебя тоже.

– Где жил в Люберцах ?

– На Крестах.

Взгляд соседа постепенно стал менее агрессивным и настороженным.

– Тебя Заяц прислал?

Учитывая, что ни про какого «Зайца» или какого-то другого животного я никогда не слышал, говорю:

– У нас в комитете «зайцев» нет.

– В каком комитете? – Он снова напрягся.

– Экологии.

– Так ты не из КГБ?

– Нет, ученый я.

– И сколько же тебе платят, ученый?

– Да как всем, 150 рублей в месяц и 2,60 командировочные в командировках.

Сосед посмотрел на меня как на больного :

– У меня, – говорит – за день торговцы цветами платят оброк больше, чем твоя месячная зарплата. Бросай ты свою науку и иди к нам. Будешь иметь в сто раз больше и жить припеваючи.

В дверь в это время постучали, и сосед, взяв нож в руку, пошел открывать.

В комнату вошли двое, похожих на кавказцев, и я понял, что мое присутствие там явно лишнее.

– Пойду-ка, – говорю, – я вниз поужинать.

Сосед не возражал.

Спустившись вниз, я сразу пошел в регистратуру и говорю:

– Девушки, что же вы меня к бандиту поселили?

– Так мы специально вас к нему подселили, чтобы вы с ним разобрались. А то наша милиция не желает связываться, хотя у него каждый день в номере разборки.

– Как же я с ним разберусь, если милиция не может. Вы меня ни с кем не перепутали?

– Ну вы же из Москвы. Из КГБ.

– Из какого КГБ, вы что?

– Как это не из КГБ. А бронь-то для вас снимали от КГБ.

Тут я все понял. Местный комитет по охране природы брони в гостинице не имел и попросил другой комитет, который поселил, зарезервировать номера для нас.

Гостиничное руководство обрадовалось и решило, что, поселив кагэбэшника из Москвы к бандиту, оно точно избавится от всех своих проблем с постояльцем.

В общем, недоразумение выяснилось, и тут же нашелся свободный номер.

Поднявшись в свой номер за вещами, я обнаружил, что гости уже ушли и мой сосед занят пересчитыванием здоровущей пачки денег.

– Вот, – говорит, – навар за неделю. Оставайся, будешь мне помогать, а то иногда приходится учить кое-кого уму-разуму, а одному тяжело.

Рассказывать ему, что я приехал, чтобы ловить

каких-то жемчужниц, дабы не показаться полнотью сумасшедшим, я не стал.

– Такие дела, – говорю, – на скорую руку не делаются. Ты мне сначала расскажи, что да как. А то я о вашей бандитской жизни мало чего знаю.

– Ладно, – говорит, – сейчас я должен уйти, завтра поговорим.

Как только сосед ушел, я быстренько собрал свои манатки и перебрался в другой номер.

Больше, к счастью, я его не встречал.

На следующий день мы обговорили в комитете по охране природы планы по поездке на Варзугу. Просто так попасть туда нельзя, так как это заповедная зона и посторонним нахождение в заказнике запрещено.

Кроме того, требовалось снаряжение для подводных работ. В дальнейшем в отчете об экспедиции оно фигурировало очень научно, как легководолазное оборудование, представляющее из себя маску, трубку и сухой гидрокостюм на всех участников.

Договорились, что встречать нас в селе Варзуга, где мы планировали остановиться, будет местный егерь и он же будет сопровождать в путешествии по реке.

В тот же день я съездил в Мурманский авиаотряд и договорился об аренде вертолета.

На следующий день мы отправились на автобусе из Мурманска в Варзугу, это почти 500 километров и 8 часов пути.

В Варзуге нас никто не встречал и не ждал, так что пришлось искать ночлег самостоятельно.

Село Варзуга – одно из стариннейших поселений на Кольском полуострове. Одно из первых упоминаний о ней содержится в грамоте 1466 года, когда варзужанин Тимофей Ермолинич передал Соловецкому монастырю свои угодья в реке Варзуге и по морскому берегу – ловища и леса. По переписи 1897 года в Варзуге насчитывалось 793 жителя, а в 1910 году в селе уже проживал 1001 житель, действовали училище Министерства народного просвещения и церковно-приходская школа.

Сейчас, по переписи 2010 года, в селе осталось только 363 жителя.

Основным источником доходов местного населения во все времена была продажа семги, вылавливаемой в реке Варзуге. Кроме того, большое значение имел также «торосовый» (бой тюленя) и рыбный промысел. Жители деревни занимались и скотоводством: разводили крупный рогатый скот, а также овец, лошадей и оленей.

Растениеводство из-за сурового климата было развито плохо. Жители села сами строили свои дома, делали кирпич и клали из него печи. Мужчины строили («шили») лодки, женщины пряли и ткали.

С самого начала существования русских селений на Терском берегу Кольского полуострова в числе основных занятий его жителей был и жемчужный промысел. Этот вид промысловой деятельности был очень трудоемким; ведь для того, чтобы найти одну пригодную для продажи жемчужину, нужно было проверить не одну тысячу, а то и десятки тысяч моллюсков. Поэтому на первых порах весь «улов жемчуголовов» шел только на продажу, его везли на ярмарки в обжитые районы Руси. Достигающие в диаметре иногда и одного сантиметра жемчужины были предметом особого спроса у знати, бояр, князей и торговцев.

В конце XIX века хорошие жемчужины стоили от 6 до 15 рублей серебром. «Ни одно украшение не обходилось без жемчуга», – так высоко отзывался о нем академик А.Е. Ферсман. По его же данным, промыслом жемчуга на Русском Севере занимались еще и в начале XX века, а в «1913 году жители села Варзуга на Терском берегу Кольского полуострова выручили 10-13 тысяч рублей от продажи добытого жемчуга», сумма по тем временам огромная.

Для сравнения: в 1913 году самая малооплачиваемая часть наемных работников в России – прислуга, получала в месяц от 3 до 5 рублей женская и от 5 до 10 рублей мужская. Рабочие провинциальных заводов, деревенских мануфактур, чернорабочие, грузчики получали от 8 до 15 рублей в месяц. Больше зарабатывали рабочие на металлургических заводах Москвы и Петербурга. Зарплата этих рабочих в начале XX века в царской России составляла от 25 до 35 рублей. А представители так называемой рабочей аристократии, т.е. профессиональные токари, слесари, мастера, бригадиры получали от 50 до 80 рублей в месяц.

Продукты питания в том же 1913 году стоили:

Батон чёрного черствого хлеба весом в 400 граммов – 3 копейки.

Батон ржаного свежего хлеба весом в 400 граммов – 4 копейки.

Батон белого сдобного хлеба весом в 300 граммов – 7 копеек.

Картофель, свежий урожай, 1 килограмм – 15 копеек.

Картофель, старый урожай, 1 килограмм – 5 копеек.

Мука ржаная 1 килограмм – 6 копеек.

Мука овсяная 1 килограмм – 10 копеек.

Мука пшеничная высшего сорта 1 килограмм – 24 копейки.

Мука картофельная 1 килограмм – 30 копеек.

Макаронные простые 1 килограмм – 20 копеек.

Вермишель из муки высшего сорта 1 килограмм – 32 копейки.

Сахарный песок второго сорта 1 килограмм – 25 копеек.

Кусковой сахар-рафинад отборный 1 килограмм – 60 копеек.

Пряники тульские с вареньем 1 килограмм – 80 копеек.

Конфеты шоколадные 1 килограмм – 3 рубля.

Кофе в зернах 1 килограмм – 2 рубля.

Чай листовой 1 килограмм – 3 рубля.

Соль поваренная 1 килограмм – 3 копейки.

Молоко свежее 1 литр – 14 копеек.

Сливки жирные 1 литр – 60 копеек.

Сметана 1 литр – 80 копеек.

Творог 1 килограмм – 25 копеек.

Сыр «Российский» 1 килограмм – 70 копеек.

Сыр по иностранной технологии «Швейцарский» 1 килограмм – 1 рубль 40 копеек.

Масло сливочное 1 килограмм – 1 рубль 20 копеек.

Масло подсолнечное 1 литр – 40 копеек.

Курица парная 1 килограмм – 80 копеек.

Яйцо отборное десяток – 25 копеек.

Мясо телятина парная вырезка 1 килограмм – 70 копеек.

Мясо говядина лопатка 1 килограмм – 45 копеек.

Мясо свинина шейка 1 килограмм – 30 копеек.

Рыба свежая окунь речной 1 килограмм – 28 копеек.

Рыба свежая судак речной 1 килограмм – 50 копеек.

Рыба свежая сом 1 килограмм – 20 копеек.

Рыба свежая лещ 1 килограмм – 24 копейки.

Рыба мороженая горбуша 1 килограмм – 60 копеек.

Рыба мороженая семга 1 килограмм – 80 копеек.

Рыба мороженая осетр 1 килограмм – 90 копеек.

Икра черная зернистая 1 килограмм – 3 рубля 20 копеек.

Икра черная паюсная 1 сорта 1 килограмм – 1 рубль 80 копеек.

Икра черная паюсная 2 сорта 1 килограмм – 1 рубль 20 копеек.

Икра черная паюсная 3 сорта 1 килограмм – 80 копеек.

Икра красная соленая 1 килограмм – 2 рубля 50 копеек.

Овощи капуста свежая 1 килограмм – 10 копеек.

Овощи капуста квашеная 1 килограмм – 20 копеек.

Овощи лук репчатый 1 килограмм – 5 копеек.

Овощи морковь 1 килограмм – 8 копеек.

Овощи помидоры отборные 1 килограмм – 45 копеек.

Вот что писал в своих воспоминаниях о путе-

шествия по Кольскому полуострову гидробиолог В.И.Жадин:

«Северного края (бывшей Архангельской губернии) в летние месяцы ловцы жемчуга бродили по рекам или медленно плыли на лодке или плоту. Руками, расщепленным на конце шестом или металлической многозубой вилкой они доставали со дна рек коричневые, обросшие водорослями ракушки и клали их в мешок или бросали в лодку. Когда ракушек набиралось порядочное количество, когда глаза уставали глядеть на бегущие под лодкой разноцветные камни дна и угадывать меж ними торчащий несколько раздвоенный конец ракушки, или же, наконец, когда ноги стыли от холодной воды, а лицо распухало от укусов мошек и комаров, ловцы вываливали свою добычу на берег. Удобно усевшись и вооружившись ножом, ловцы привычным движением перерезали мускулы моллюска, раскрывали раковину и осторожно проводили большим пальцем вдоль ее края, покрытого тонкой пленкой – мантией. Чаще они бросали раковину в сторону, иногда же вынимали из нее нащупанный пальцем блестяще-белый шарик. Это был жемчуг, ракушка, в которой отыскивался жемчуг, – речная жемчужница, а люди, собиравшие жемчуг, – искатели жемчуга или, как их тогда называли, жемчугопромышленники. Жемчуг попадался не так редко, но это были большею частью мелкие, неправильной формы зернышки, дешево ценившиеся скупщиками. Лишь изредка встречались крупные, круглые нежно-серебристые с розовым отливом шарики. За такие жемчужины ловцы получали от скупщиков, поджидавших их возвращения в селах, до 25-100 рублей золотом. Заработок ловцов жемчуга перед Первой империалистической войной при удаче составлял от 300 до 500 рублей за лето. Скупщики, естественно, наживались на них весьма основательно. По архивным данным, на таком же уровне заработок жемчугоискателей был и во второй половине XIX века. Возникновение же жемчужного промысла приходится, видимо, на XVIII век, а быть может, и на еще более раннее время. В годы войны 1914–1917 гг. вследствие призыва многих жемчугоискателей на военную службу жемчужный промысел заглох».

На следующее утро мы направились на местный аэродром, где нас должен был ждать вертолет.

Никакого вертолета обнаружено не было, и на радиogramму, которую любезно отправили от нас в Мурманск, был получен ответ, что сегодня вертолета не будет, он выполняет другое, более важное задание.

Так что, несолоно хлебавши, мы вернулись в село и занялись осмотром местных достопримечательностей. Село, которое еще в начале XX века процве-

тало, выглядело сонным на фоне окружающей прекрасной северной природы.

Большую часть дня мы провели, собирая грибы и ягоды в окрестностях села, а на следующий день с утра снова были на аэродроме, дожидаясь вертолета.

На этот раз вертолет прилетел, и, обсудив с экипажем маршрут, мы вылетели в верховья Варзуги.

Нам предстояло облетать реку длиной 254 км и посчитать количество жемчужниц на отдельных участках. Начали мы облет с верховий реки.

Вертолет летел вдоль русла и, заметив удобное для посадки место, высаживал нас. Обычно это были речные косы, там же находились и скопления жемчужниц.

Если же сесть он не мог, то просто снижался и зависал над площадкой, а мы спрыгивали. Вертолет улетал и возвращался примерно через 3 часа, которых обычно хватало для проведения работ на точке.

Во многих местах мы находили старые кучки открытых раковин жемчужниц, очевидно остатки работ по сбору жемчуга для ансамбля «Березка». На перекатах плескалась, выпрыгивая из воды, идущая на нерест вверх по реке семга. Довольно часто видны были следы медведей.

Как-то раз мы, как обычно, сидели на одной из точек маршрута на речной косе, замеряя выловленных жемчужниц, и ждали возвращения нашего Ми-8, который не мог там сесть, поэтому приземлился в другом месте и должен был вернуться за нами.

Вдали послышался звук винтов вертолета, и мы, обрадованные, стали готовиться к посадке. Появился вертолет, но не наш Ми-8, а маленький двухместный. Он приземлился, и из него выскочил человек в форме лесничего с пистолетом в руке.

Держа пистолет наизготовку, он подошел к нам и спросил, что мы тут делаем, хотя и так были видны лежащие в ведре жемчужницы, а на песке лежали сушившиеся гидрокостюмы. На лице лесничего читалось удивление, браконьеры почему-то не проявляют никакого беспокойства, беспечно сидя прямо на месте преступления.

– Работаем, разве не видно?

– Документы! – потребовал он.

Мы достали наши комитетские удостоверения и письмо из министерства.

Оказалось, это тот самый егерь, который должен был нас встречать в Варзуге. О нашем предстоящем приезде в Варзугу ему сообщили, но сказали, что мы сами его найдем. Не дождавсь, он решил, что мы просто не поехали, и поэтому, обнаружив во время планового облета территории каких-то людей на реке, был уверен, что это браконьеры.

После этой встречи людей на реке мы не встрети-

ли ни разу, заказник действительно охранялся, и популяции жемчужницы и лосося росли.

Пришло время возвращаться в Москву, и вместе с экипажем мы устроили отвальную по поводу успешно законченной экспедиции. В разговоре выяснилось, что, в общем-то, нам очень повезло, так как не было никаких поломок и аварий. Оказывается, наш вертолет по документам свой ресурс уже выработал, так как по правилам того времени Ми-8 сначала поступал в войска и лишь по истечении определенного срока списывался, проходил техосмотр и передавался гражданской авиации. Наш вертолет совсем недавно поступил в авиаотряд, и его даже не успели перекрасить в аэрофлотовские цвета. Единственным неудобством в экспедиции был малый запас топлива в баках вертолета, хватающего только на 4 часа непрерывного полета. Экипаж был вынужден иметь дополнительные баки, но в начале 90-х уже начались проблемы с топливом, и часть полетного времени уходило на поиски заправки по всем ближайшим аэродромам.

Такая тяжелая работа экипажа, когда практически каждый день они рисковали жизнью, государством совсем не ценилась. К тому времени северные надбавки уже перестали быть достаточно весомыми, и зарплата пилота вертолета на Севере была чуть больше моей зарплаты научного сотрудника в Москве.

Застолья и человеческие взаимоотношения, как известно, помогают решать многие проблемы, в том числе сокращать время и расстояния.

Обратно нам нужно было тащиться часов восемь на автобусе в Мурманск, чтобы сесть на по-

езд в Москву. Литр спирта превратил эти 8 часов в два, так как наш вертолет просто забросил нас в Мурманск. Судя по подписанным мною ранее полетным листам, стоимость такого перелета выражалась в суммах, эквивалентных многим сотням ящиков водки.

Обработанные после приезда результаты показали, что в Варзуге действительно обитает самая крупная в мире на сегодняшний день популяция пресноводной жемчужницы.

К сожалению, в последующие годы многое в стране и на Кольском полуострове изменилось. Вместо охраняемой территории всесоюзного значения территория бассейна реки Варзуги перешла в областное подчинение, и теперь на реке возможна и рыбалка, и туризм.

Исследования последних лет показали, что численность как семги, так и популяции жемчужниц стала уменьшаться.

□

Александр РЕСИН

родился в Москве в 1961 году.

По специальности биолог и географ.

Работал в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцова АН СССР, в Институте охраны природы и заповедного дела Министерства экологии и природных ресурсов СССР, в совместной советско-вьетнамской экспедиции и в Монреальском университете в Канаде.

Дипломант конкурса «60 плюс» журнала «Москва» в номинации «Публицистика», за статью «Как Сталин снижал цены» (2018), в том же журнале опубликована в ноябре 2021 г. статья «Свастика над Канадой».

Многokrатно публиковался в журнале «Работница».

В журнале «Север» публикуется впервые.

